

Лев Николаевич Толстой

**Определение Святейшего
Синода от 20-22 февраля
1901 года**

**Толстой Лев Николаевич
Определение Святейшего
Синода от 20-22 февраля
1901 года**

Определение Святейшего Синода от 20-22
Фефрала 1901 года

Изначала Церковь Христова терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях, утверждающихся на вере в Христа, Сына Бога Живого. Но все силы ада, по обетованию Господню, не могли одолеть Церкви святой, которая пребудет неодоленною во веки. И в наши дни Божиим попущением явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой в прельщении гордого ума своего дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достоинство, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную,

которую жили и спасались наши предки и которую доселе держалась и крепка была Русь святая. В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он -а) проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов Православной Церкви и -б) самой сущности веры христианской:

+1. отвергает личного живого Бога во святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной

+2. отрицает Господа Иисуса Христа - Богочеловека

+3. отрицает Иисуса Христа как Искупителя, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения

+4. отрицает Иисуса Христа как Спасителя мира

+5. отрицает воскресение Иисуса Христа из мертвых

+6. отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа

+7. отрицает девство до рождения Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии

- +8. отрицает девство по рождестве Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии
- 9. не признает загробной жизни
- 10. не признает мздовоздаяния;
- +11. отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа
- +12. ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвегнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию.

Все сие проповедует граф Толстой непрерывно, словом и писанием к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не прикровенно, но явно перед всеми, сознательно и намеренно отторг себя от всякого общения с Церковью Православною. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствует перед всей Церковью к утверждению правостоящих и к вразумлению самого графа Толстого. Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбию помышляют о том, что он на конце дней сво-

их остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с нею.

Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние и разум истины. Молим тия милосердный Господи, не хотяй смерти грешных, услыши и помилуй, и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

П о д л и н н о е п о д п и с а л и :

Смиренный Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский

Смиренный Феогност, митрополит Киевский и Галицийский

Смиренный Владимир, митрополит Московский и Коломенский

Смиренный Иероним, архиепископ Холмский и Варшавский

Смиренный Иаков, епископ Кишиневский и Хотинский

Смиренный Маркел, епископ

Смиренный Борис, епископ".

Л.Н. Толстой отрицал догматы 1-8,11,12.(помечены знаком +), всего 10 и не отрицал а) ,б), 9, 10.(помечены -)-смотри "Ответ Синоду..."

"Церковные Ведомости" от 24 февраля 1901г.

Г.И.Петров. Отлучение Льва Толстого от церкви. М.1978г. стр.29.

В Интернете текст отлучения имеется в "Словаре Брокгауза и Ефрона"1901г. в конце статьи о Л.Н.Толстом на www.rubrikon.ru Текст отсканировал и откорректировал толстовец Юрий Пиотровский. www.pilger.narod.ru 1.05.2001

ОТВЕТ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОДА ОТ 20-22 ФЕВРАЛЯ И НА ПОЛУЧЕННЫЕ МНОЮ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ ПИСЬМА

"Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истины, очень скоро полюбит свою церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете", Кольридж.

Я не хотел сначала отвечать на постановление обо мне синода, но постановление это вызвало очень много писем, в которых неизвестные мне корреспонденты - одни бранят меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другие увещевают меня поверить в то, но

что я не переставал верить, третьи выражают со мной, единомыслие, которое едва ли в действительности существует, и сочувствие, на которое я едва ли имею право; и я решил ответить и на самое постановление, указав на то, что в нем несправедливо, и на обращения ко мне моих неизвестных корреспондентов.

Постановление синода вообще имеет много недостатков. Оно незаконно или умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

Оно незаконно или умышленно двусмысленно - потому, что если оно хочет быть отлучением от церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение; если же это есть заявление о том, что тот, кто не верит в церковь и ее догматы, не принадлежит к ней, то это само собой разумеется, и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно и случилось, потому что оно так и

было понято.

Оно произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тогда как не только многие, но почти все образованные люди в России разделяют такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах и книгах.

Оно неосновательно, потому что главным поводом своего появления выставляет большое распространение моего совращающего людей лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из получаемых мною писем.

Оно содержит в себе явную неправду, утверждая, что со стороны церкви были сделаны относительно меня не увенчавшиеся успехом попытки вразумления, тогда как ничего подобного никогда не было.

Оно представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нем заключаются заведомо несправедливые и клонящиеся к моему вреду утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам к поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах. "Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... анафема ты, старый чорт... проклят будь", пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключен еще в монастырь, и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: "Если правительство не уберет тебя, - мы сами заставим тебя замолчать"; письмо кончается проклятиями. "Чтобы уничтожить прохвоста тебя, - пишет четвертый, - у меня найдутся средства..." Следуют неприличные ругательства. Признаки такого же озлобления после постановления синода я замечаю и при встречах с некоторыми людьми. В самый же день 25

февраля, когда было опубликовано постановление, я, проходя по площади, слышал обращенные ко мне слова: "Вот дьявол в образе человека", и если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избили, как избили, несколько лет тому назад, человека у Пантелеймоновской часовни.

Так что постановление синода вообще очень нехорошо; то, что в конце постановления сказано, что лица, подписавшие его, молятся, чтобы я стал таким же, как они, не делает его лучше.

Это так вообще, в частности же постановление это несправедливо в следующем. В постановлении сказано: "Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на господа и на Христа его и на святое его достояние, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери, церкви православной".

То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я вос-

стал на господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было не выразимо дорого, я, по некоторым признакам усумнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически - я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически же строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и посещая все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения.

(Стоит только почитать требник и проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются православным духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидеть, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства,

приспособленные ко всем возможным случаям жизни.

Для того, чтобы ребенок, если умрет, пошел в рай, нужно успеть помазать его маслом и выкупать с произнесением известных слов.

Для того, чтобы родильница перестала быть нечистою, нужно произнести известные заклинания.

Чтобы был успех в деле или спокойное житье в новом доме, для того, чтобы хорошо родился хлеб, прекратилась засуха, для того, чтобы путешествие было благополучно, для того, чтобы излечиться от болезни, для того, чтобы облегчилось положение умершего на том свете, для всего этого и тысячи других обстоятельств есть известные заклинания, которые в известном месте и за известные приношения произносит священник.)

И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и

ненужную вещь, чтобы она не мешала живым.

То же, что сказано, что я "посвятил свою литературную деятельность и данный мне от бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и церкви" и т. д., и что "я в своих сочинениях и письмах, во множестве рассеваемых мною так же, как и учениками моими, по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, проповедую с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской", - то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространении своего учения. Правда, я сам для себя выразил в сочинениях свое понимание учения Христа и не скрывал эти сочинения от людей, желавших с ними познакомиться, но никогда сам не печатал их; говорил же людям о том, как я понимаю учение Христа, только тогда, когда меня об этом спрашивали. Таким людям я говорил то, что думаю, и давал, если они у меня были, мои книги.

Потом сказано, что я "отвергаю бога, во

святой троице славимого, создателя и промыслителя вселенной, отрицаю господу Иисуса Христа, богочеловека, искупителя и спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицаю бессемейное зачатие по человечеству Христа господу и девство до рождения и по рождении пречистой богородицы". То, что я отвергаю непонятную троицу и не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о боге, родившемся от девы, искупающем род человеческий, то это совершенно справедливо. Бога же - Духа, бога - любовь, единого бога - начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли бога, выраженной в христианском учении.

Еще сказано: "не признает загробной жизни и мздовоздаяния". Если разуметь жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая - постоянного блаженства, то совершенно спра-

ведливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то есть рождения к новой жизни, и верю, что всякий добрый поступок увеличивает истинное благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его.

Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, грубым, несоответствующим понятию о боге и христианскому учению колдовством и, кроме того, нарушением самых прямых указаний евангелия. В крещении младенцев вижу явное извращение всего того смысла, который могло иметь крещение для взрослых, сознательно принимающих христианство; в совершении таинства брака над людьми, заведомо соединявшимися прежде, и в допущении разводов и в освящении браков разведенных вижу прямое нарушение и смысла, и буквы евангельского учения. В периодическом прощении грехов

на исповеди вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность и уничтожающий опасение перед согрешением.

В елеосвящении так же, как и в миропомазании, вижу приемы грубого колдовства, как и в почитании икон и мощей, как и во всех тех обрядах, молитвах, заклинаниях, которыми наполнен требник. В причащении вижу обоготворение плоти и извращение христианского учения. В священстве, кроме явного приготовления к обману, вижу прямое нарушение слов Христа, - прямо запрещающего кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мф. XXIII, 8-10).

Сказано, наконец, как последняя и высшая степень моей виновности, что я, "ругаясь над самыми священными предметами веры, не содрогнулся подвергнуть глумлению священнейшее из таинств - евхаристию". То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священник делает для приготовления этого, так называемого, таинства, то это совершенно справедливо; но то, что это, так называемое, таинство есть нечто священное и что описать его просто, как оно делается, есть

кощунство, - это совершенно несправедливо. Кощунство не в том, чтобы назвать перегородку - перегородкой, а не иконостасом, и чашку - чашкой, а не потиром и т. п., а ужаснейшее, не перестающее, возмутительное кощунство - в том, что люди, пользуясь всеми возможными средствами обмана и гипнотизации, - уверяют детей и простодушный народ, что если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить их в вино, то в кусочки эти входит бог; и что тот, во имя кого живого вынется кусочек, тот будет здоров; во имя же кого умершего вынется такой кусочек, то тому на том свете будет лучше; и что тот, кто съест этот кусочек, в того войдет сам бог.

Ведь это ужасно!

Как бы кто ни понимал личность Христа, то учение его, которое уничтожает зло мира и так просто, легко, несомненно дает благо людям, если только они не будут извращать его, это учение все скрыто, все переделано в грубое колдовство купанья, мазания маслом, телодвижений, заклинаний, проглатывания кусочков и т. п., так что от учения ничего не

остаётся. И если когда какой человек попытается напомнить людям то, что не в этих волхованиях не в молебнах, обеднях, свечах, иконах- учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга, то поднимется стон негодования тех, которым выгодны эти обманы, и люди эти во всеуслышание, с непостижимой дерзостью говорят в церквях, печатают в книгах, газетах, катехизисах, что Христос никогда не запрещал клятву (присягу), никогда не запрещал убийство (казни, войны), что учение о непротивлении злу с сатанинской хитростью выдуманно врагами Христа.(Речь Амвросия, епископа харьковского)

Ужасно, главное, то, что люди, которым это выгодно, обманывают не только взрослых, но, имея на то власть, и детей, тех самых, про которых Христос говорил, что горе тому, кто их обманет. Ужасно то, что люди эти для своих маленьких выгод делают такое ужасное зло, скрывая от людей истину, открытую Христом и дающую им благо, которое не уравновешивается и в тысячной доле получаемой

ими от того выгодой. Они поступают, как тот разбойник, который убивает целую семью, 5-6 человек, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денег. Ему охотно отдали бы всю одежду и все деньги, только бы он не убивал их. Но он не может поступить иначе. То же и с религиозными обманщиками. Можно бы согласиться в 10 раз лучше, в величайшей роскоши содержать их, только бы они не губили людей своим обманом. Но они не могут поступать иначе. Вот это-то и ужасно. И потому обличать их обманы не только можно, но должно. Если есть что священное, то никак уже не то, что они называют таинством, а именно эта обязанность обличать их религиозный обман, когда видишь его.

Если чувашин мажет своего идола сметаной или сечет его, я могу равнодушно пройти мимо, потому что то, что он делает, он делает во имя чуждого мне своего суеверия и не касается того, что для меня священно; но когда люди, как бы много их ни было, как бы старони было их суеверие и как бы могущественны они ни были, во имя того бога, которым я живу, и того учения Христа, которое дало жизнь

мне и может дать ее всем людям, проповедают грубое колдовство, я не могу этою видеть спокойно. И если я называю по имени то, что они делают, то я делаю только то, что должен, чего не могу не делать, если я верую в бога и христианское учение. Если же они вместо того, чтобы ужаснуться на свое кощунство, называют кощунством обличение их обмана, то это только доказывает силу их обмана и должно только увеличивать усилия людей, верующих в бога и в учение Христа, для того, чтобы уничтожить этот обман, скрывающий от людей истинного бога.

Про Христа, выгнавшего из храма быков, овец и продавцов, должны были говорить, что он кощунствует. Если бы он пришел теперь и увидал то, что делается его именем в церкви, то еще с большим и более законным гневом наверно повыкидал бы все эти ужасные антимины, и копья, и кресты, и чаши, и свечи, и иконы, и все то, посредством чего они, колдуя, скрывают от людей бога и его учение.

Так вот что справедливо и что несправедливо в постановлении обо мне синода. Я дей-

ствительно не верю в то, во что они говорят, что верят. Но я верю во многое, во что они хотят уверить людей, что я не верю.

Верю я в следующее: верю в бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он но мне и я в нем. Верю в то, что воля бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека - в исполнении воли бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви; что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, дает после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем и более всего другого содействует установлению в мире царства божия, то есть такого строя жизни, при котором царствующие

теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою. Верю, что для преуспевания в любви есть только одно средство: молитва, - не молитва общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. 6. 5-13), а молитва, образец которой дан нам Христом, - уединенная состоящая в восстановлении и укреплении в своем сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли бога.

Оскорбляют, огорчают и соблазняют кого-либо, мешают чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои верования, - я так же мало могу их изменить, как; свое тело. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никак иначе верить, как так, как верю, готовясь идти к тому богу, от которого исшел. Я не говорю, чтобы моя вера была одна несомненно на все времена истинна, но я не вижу другой более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца ; если я узнаю такую, я сейчас, же приму ее, потому что богу ничего, кроме истины, не нужно.

Вернуться же к тому, от чего я с такими страданиями только что вышел, я уже никак не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла.

"Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истины, очень скоро полюбит свою церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете", сказал Кольридж.

Я шел обратным путем. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство; и в той мере, в какой исповедую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти.

4 апреля 1901. Москва

Л.Н.Толстой, полное собрание сочинений в 90 томах. том 34, стр. 245, Москва, 1952 г.

Г.И.Петров. Отлучение Льва Толстого от церкви. М. 1978 г. стр. 58.

Текст отсканировал и откорректировал
толстовец Юрий Пиотровский.1.05.2001
www.pilger.narod.ru

Л.Н.Толстой "Воскресение" часть1, глава
39,40, 1899г.

Глава XXXIX

Началось богослужение.

Богослужение состояло в том, что священник, одевшись в особенную, странную и очень неудобную парчовую одежду, вырезывал и раскладывал кусочки хлеба на блюде и потом клал их в чашу с вином, произнося при этом различные имена и молитвы. Дьячок же между тем не переставая сначала читал, а потом пел попеременно с хором из арестантов разные славянские, сами по себе мало понятные, а еще менее от быстрого чтения и пения понятные молитвы. Содержание молитв заключалось преимущественно в желании благоденствия государя императора и его семейства. Об этом произносились молитвы много раз, вместе с другими молитвами и отдельно, на коленях. Кроме того, было прочтено дьячком несколько стихов из Деяний апостолов таким странным, напряженным

голосом, что ничего нельзя было понять, и священником очень внятно было прочтено место из Евангелия Марка, в котором сказано было, как Христос, воскресши, прежде чем улететь на небо и сесть по правую руку своего отца, явился сначала Марии Магдалине, из которой он изгнал семь бесов, и потом одиннадцати ученикам, и как велел им проповедовать Евангелие всей твари, причем объявил, что тот, кто не поверит, погибнет, кто же поверит и будет креститься, будет спасен и, кроме того, будет изгонять бесов, будет излечивать людей от болезни наложением на них рук, будет говорить новыми языками, будет брать змей, и если выпьет яд, то не умрет, а останется здоровым.

Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на

колени и целовал стол и то, что было на нем. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было обставлено особенной торжественностью.

- "Изрядно о пресвятей, пречистой и преблагословенней богородице", громко закричал после этого священник из-за перегородки, и хор торжественно запел, что очень хорошо прославлять родившую Христа без нарушения девства девицу Марию, которая удостоена за это большей чести, чем какие-то херувимы, и большей славы, чем какие-то серафимы. После этого считалось, что превращение совершилось, и священник, сняв салфетку с блюда, разрезал серединный кусочек начетверо и положил его сначала в вино, а потом в рот. Предполагалось, что он съел кусочек тела бога и выпил глоток его крови. После этого священник отдернул занавеску, отворил середине двери и, взяв в руки золоченую чашку, вышел с нею в середине двери и пригласил

желающих тоже поесть тела и крови бога, находившихся в чашке.

Желающих оказалось несколько детей.

Предварительно опросив детей об их именах, священник, осторожно зачерпывая ложечкой из чашки, совал глубоко в рот каждому из детей поочередно по кусочку хлеба вине, а дьячок тут же, отирая рты детям, веселым голосом пел песню о том, что дети едят тело бога и пьют его кровь. После этого священник унес чашку за перегородку и, допив там всю находившуюся в чашке кровь и съев все кусочки тела бога, старательно обсосав усы и вытерев рог и чашку, в самом веселом расположении духа, поскрипывая тонкими подошвами опойковых сапог, бодрыми шагами вышел из-за перегородки.

Этим закончилось главное христианское богослужение. Но священник, желая утешить несчастных арестантов, прибавил к обычной службе еще особенную. Особенная эта служба состояла в том, что священник, став перед предполагаемым выкованным золоченым изображением (с черным лицом и черными руками) того самого бога, которого он ел,

освещенным десятком восковых свечей, начал странным и фальшивым голосом не то петь, не то говорить следующие слова:

- "Иисусе сладчайший, апостолов славо, Иисусе мой, похвала мучеников, владыко все-
сильне, Иисусе, спаси мя, Иисусе спасе мой,
Иисусе мой краснейший, к тебе притекающе-
го, спасе Иисусе, помилуй мя, молитвами
рождшия тя, всех, Иисусе, святых твоих, про-
рок же всех, спасе мой Иисусе, и сладости
райския сподоби, Иисусе человеколюбче!"

На этом он приостановился, перевел дух, перекрестился, поклонился в землю, и все сделали то же. Кланялся смотритель, надзи-
ратели, арестанты, и наверху особенно часто
забренчали кандалы.

- "Ангелов творче и господи сил, - продол-
жал он, - Иисусе пречудный, ангелов удивле-
ние, Иисусе пресильный, прародителей из-
бавление, Иисусе пресладкий, патриархов ве-
личание, Иисусе преславный, царей укрепле-
ние, Иисусе преблагий, пророков исполнение,
Иисусе предивный, мучеников крепость,
Иисусе претихий, монахов радости, Иисусе
премилостивый, пресвитеров сладость, Иису-

се премилосердый, постников воздержание, Иисусе пресладостный, преподобных радование, Иисусе пречистый, девственных целомудрие, Иисусе предвечный, грешников спасение, Иисусе, сыне божий, помилуй мя", - добрался он, наконец, до остановки, все с большим и большим свистом повторяя слово "Иисусе", придержал рукою рясу на шелковой подкладке и, опустившись на одно колено, поклонился в землю, а хор запел последние слова: "Иисусе, сыне божий, помилуй мя", а арестанты падали и подымались, встряхивая волосами, остававшимися на половине головы, и гремя кандалами, натиравшими им худые ноги.

Так продолжалось очень долго. Сначала шли похвалы, которые кончались словами: "помилуй мя", а потом шли новые похвалы, кончавшиеся словом: "аллилуйя". И арестанты крестились, кланялись, падали на землю. Сначала арестанты кланялись на каждом перерыве, но потом они стали уже кланяться через раз, а то и через два, и все были очень рады, когда все похвалы окончились и священник, облегченно вздохнув, закрыл кни-

жечку и ушел за перегородку. Оставалось одно последнее действие, состоявшее в том, что священник взял с большого стола лежавший на нем золоченый крест с эмалевыми медальончиками на концах и вышел с ним на середину церкви. Сначала подошел к священнику и приложился к кресту смотритель, потом помощник, потом надзиратели, потом, напирая друг на друга и шепотом ругаясь, стали подходить арестанты. Священник, разговаривая с смотрителем, совал крест и свою руку в рот, а иногда в нос подходившим к нему арестантам, арестанты же старались поцеловать и крест и руку священника. Так кончилось христианское богослужение, совершаемое для утешения и назидания заблудших братьев.

Глава XL

И никому из присутствующих, начиная с священника и смотрителя и кончая Маслово́й, не приходило в голову, что тот самый Иисус, имя которого со свистом такое бесчисленное число раз повторял священник, всякими странными словами восхваляя его, запретил именно все то, что делалось здесь; запре-

тил не только такое бессмысленное многоглаго- лание, и кощунственное волхвование свя- щенников-учителей над хлебом и вином, но самым определенным образом запретил од- ним людям называть учителями других лю- дей, запретил молитвы в храмах, а велел мо- литься каждому в уединении, запретил са- мые храмы, сказав, что пришел разрушить их и что молиться надо не в храмах, а в духе и истине; главное же, запретил не только су- дить людей и держать их в заточении, му- чать, позорить, казнить, как это делалось здесь, а запретил всякое насилие над людьми, сказав, что он пришел выпустить плененных на свободу.

Никому из присутствующих не приходило в голову того, что все, что совершалось здесь, было величайшим кощунством и насмешкой над тем самым Христом, именем которого все это делалось. Никому в голову не приходило того, что золоченый крест с эмалевыми меда- льончиками на концах, который вынес свя- щенник и давал целовать людям, был не что иное, как изображение тон виселицы, на ко- торой был казнен Христос именно за то, что

он запретил то самое, что теперь его именем совершалось здесь. Никому в голову не приходило, что те священники, которые воображают себе, что в виде хлеба и вина они едят тело и пьют кровь Христа, действительно едят тело и пьют кровь его, но не в кусочках и в вине, а тем, что не только соблазняют тех "малых сих", с которыми Христос отождествлял себя, но и лишают их величайшего блага и подвергают жесточайшим мучениям, скрывая от людей то возвешение блага, которое он принес им.

Священник с спокойной совестью делал все то, что он делал, потому что с детства был воспитан на том, что это единственная истинная вера, в которую верили все прежде жившие святые люди и теперь верят духовное и светское начальство. Он верил не в то, что из хлеба сделалось тело, что полезно для души произносить много слов или что он съел действительно кусочек бога, - в это нельзя верить, - а верил в то, что надо верить в эту веру. Главное же, утверждало его в этой вере то, что за исполнение треб этой веры он восемнадцать лет уже получал доходы, на которые

содержал свою семью, сына в гимназии, дочь в духовном училище. Так же верил и дьячок и еще тверже, чем священник, потому что совсем забыл сущность догматов этой веры, а знал только, что за теплоту, за поминание, за часы, за молебен простой и за молебен с акафистом, за все есть определенная цена, которую настоящие христиане охотно платят, и потому выкрикивал свои "помилось, помилось", и пел, и читал, что положено, с такой же спокойной уверенностью в необходимости этого, с какой люди продают дрова, муку, картофель. Начальник же тюрьмы и надзиратели, хотя никогда и не знали и не вникали в то, в чем состоят догматы этой веры и что означало все то, что совершалось в церкви, верили, что непременно надо верить в эту веру, потому что высшее начальство и сам царь верят в нее. Кроме того, хотя и смутно (они никак не могли бы объяснить, как это делается), они чувствовали, что эта вера оправдывала их жестокую службу. Если бы не было этой веры, им не только труднее, но, пожалуй, и невозможно бы было все свои силы употребить на то, чтобы мучать людей, как они это

теперь делали с совершенно спокойной совестью. Смотритель был такой доброй души человек, что он никак не мог бы жить так, если бы не находил поддержки в этой вере. И потому он стоял неподвижно, прямо, усердно кланялся и крестился, старался умилиться, когда пели "Иже херувимы", а когда стали причащать детей, вышел вперед и собственноручно поднял мальчика, которого причащали, и поддержал его.

Большинство же арестантов, за исключением немногих из них, ясно видевших весь обман, который производился над людьми этой веры, и в душе смеявшихся над нею, большинство верило, что в этих золоченых иконах, свечах, чашах, ризах, крестах, повторениях непонятных слов "Иисусе сладчайший" и "позлилось" заключается таинственная сила, посредством которой можно приобрести большие удобства в этой и в будущей жизни. Хотя большинство из них, проделав несколько опытов приобретения удобств в этой жизни посредством молитв, молебнов, свечей, и не получило их, - молитвы их остались неисполненными, - каждый был твердо

уверен, что эта неудача случайная и что это учреждение, одобряемое учеными людьми и митрополитами, есть все-таки учреждение очень важное и которое необходимо если не для этой, то для будущей жизни.

Так же верила и Маслова. Она, как и другие, испытывала во время богослужения смешанное чувство благоговения и скуки. Она стояла сначала в середине толпы за перегородкой и не могла видеть никого, кроме своих товарок; когда же причастницы двинулись вперед и она выдвинулась вместе с Федосьей, она увидела смотрителя, а за смотрителем и между надзирателями мужичка с светло-белой бородкой и русыми волосами - Федосьиного мужа, который остановившимися глазами глядел на жену. Маслова во время акафиста занялась рассматриванием его и перешептыванием с Федосьей и крестилась и кланялась, только когда все это делали.

Источник: <http://tekstshare.da.ru>

ВЛАДИМИР ТОЛСТОЙ: "ЛЕВ ТОЛСТОЙ ДО КОНЦА ЖИЗНИ ОСТАВАЛСЯ ГЛУБОКО ВЕРУЮЩИМ"

Интервью с праправнуком писателя

В начале февраля Владимир Ильич Толстой, директор дома-музея в Ясной Поляне, обратился в Московскую Патриархию с предложением осмыслить значение акта отлучения Льва Толстого от Церкви для России в связи с сотой годовщиной отлучения писателя от Церкви. Отказ Патриарха Алексия II обсуждать этот вопрос заметно всколыхнул российское общество. В.И.Толстой рассказывает нашему корреспонденту о своих побуждениях и надеждах.

- Владимир Ильич, вероятно, сначала несколько слов о смысле вашего обращения, о побуждениях, которыми вы руководствовались, написав письмо.

- Письмо было очень коротким и чрезвычайно деликатным. В его тексте не было ничего подобного просьбам реабилитировать, отменить решение Священного Синода или простить кого-то. Я прекрасно понимаю, что не имею права давать конкретные рекомендации Церкви, и никогда не мыслил брать на себя подобную ответственность. Единственное, о чем я просил: не проходите мимо!

Есть некая дата, существенная для россий-

ской истории. Прошел век, век суровый для России. И мне хотелось по прошествии этих ста лет все же вернуться к осмыслению и самого акта отлучения Льва Толстого, и его последствий для жизни русского общества, русского человека, в том числе православного.

По моему внутреннему ощущению, по документам, которые я изучал, по газетным дискуссиям начала 900-х мне показалось, что этот акт тогда как бы дал сигнал к тотальному расколу российского общества по всей его вертикали сверху донизу. Раскололись буквально и царствующая семья, и высшая аристократия, и поместное дворянство, и интеллигенция, и разночинские слои, и простой люд. Трещина прошла по телу всего русского, российского народа. Больше того, мне казалось чрезвычайно важным, что такая же трещина прошла и в индивидуальном плане - внутри если не каждого, то очень многих людей, посеяв внутреннюю душевную смуту.

Поэтому я абсолютно убежден в важности обсуждения и осмысления этого явления.

- При каких обстоятельствах письмо было опубликовано?

- Недели за две до 24 февраля я выступал в посольстве Индии по теме "Толстой - Ганди: идея ненасилия". Из зала прозвучал вопрос: "Как вы намерены реагировать на столетнюю дату?" Я ответил, что написал такое вот письмо и жду ответа.

Человек, задавший вопрос, видимо, запомнил эту ситуацию, позвонил мне 23 февраля и поинтересовался, не получил ли я ответа. Услышав, что нет, он выразил мнение, что в таком случае я могу считать себя свободным от каких-либо обязательств. И если обращение нейтрально, то не имеет ли смысла его обнародовать, потому что оно нужно многим людям?

Тогда я не думал об этом, но согласился, посчитав, что, вероятно, он прав. После этого текст письма дали в ИТАР-ТАСС, ну а дальше пошло...

Если бы не такое стечение обстоятельств, я бы и не додумался предать его гласности.

- Одна "догадка" по вашему адресу гласит: при помощи письма Толстой решил "подкатиться" к Патриархии, стать поближе к церковной власти, заручиться ее поддержкой...

- Ну, это еще более абсурдно, потому что меня вполне удовлетворяют и место, и статус, которые я занимаю. В том числе полностью удовлетворяют отношения с моими духовными наставниками.

Просто - куда еще мог я обратиться с подобным вопросом? Логично же, что если столетие назад коллегиальное решение было принято Священным Синодом, то сегодня я тоже могу обратиться только к ныне действующему Синоду. Или Патриарху как человеку, возглавляющему Русскую Православную Церковь.

- Но что-то в подобных инсинуациях вас все же задевает?

- Если что и задевает, то скорее мнение, что я якобы пытаюсь решать не столько за Церковь, сколько за прапрадеда. Толстого, мол, нет - 90 лет назад он умер и ни о чем не просил. А тут я за Льва Николаевича пытаюсь что-то изменить.

Да простит мне мой прапрадед, имя и судьба которого меня, конечно же, очень волнуют... Но в данной ситуации меня гораздо больше беспокоит сегодняшняя Россия, беспокоит

все, что в ней сейчас происходит.

Толстой не просил отлучать его от Церкви, не обращался за этим к Синоду и решение об отлучении воспринял с недоумением. Для него речь шла не о вступлении в какую-то партию или исключении из нее. В этом отношении, к сожалению, все время происходит какая-то путаница понятий.

В дневнике, в частности, Толстой написал, что сегодня узнал о "странном решении", и в его мыслях очень ясно читается, что невозможно каким-то распоряжением, даже таким вот синодальным приговором, отлучить человека от Бога, религиозного чувства, веры.

Я не случайно привел пример приема в партию, когда пишется заявление. Потомки незаслуженно репрессированных в годы советской власти тоже писали заявления в соответствующие органы с просьбой реабилитировать их репрессированных родителей, дедов. И все эти бумажные заявления были необходимы...

- ...потому что были востребованы нормами права.

- Совершенно верно. Но Льву Толстому в

той ситуации не нужно было писать никакого заявления. Так же, как и у меня ничего подобного, вроде просьбы "прошу реабилитировать", и в мыслях не было.

Само по себе проведение аналогии между понятиями числиться где-либо и быть верующим абсолютно несостоятельно. Я твердо убежден, что Лев Николаевич Толстой до конца своих дней оставался глубоко религиозным, верующим человеком, абсолютно вменяемым, полностью отвечающим за свои убеждения и слова. Об этом свидетельствуют его письма, дневники и другие тексты.

- Быть может, церковная иерархия, неверно истолковав ваше письмо, просто уклонилась от обсуждения по причине его "несвоевременности"?

- Есть, пожалуй, еще один нюанс, которого мы уже немного коснулись, когда говорили, что кто-то посчитал мое обращение попыткой сблизиться с Патриархией.

Обратившись к Патриарху, я написал письмо и президенту. Оно в меньшей степени касается истории с отлучением. В большей - Чечни, с которой непосредственно связана

биография Толстого. Недавно я получил ответ, в котором сама тема моего письма не обсуждается и который представляет собой как бы реакцию на последнюю строчку, где я сообщаю о готовности более подробно изложить свои мотивы лично. Ответ - очень короткий - гласит, что ввиду плотного графика президента подобное "не представляется возможным".

Я это прекрасно понимаю, не могу с этим не согласиться: нет потребности - значит, все. Вопрос снят.

В ситуации же с Патриархией тоже была надежда на отклик, но дождаться его пока не удалось. Я отправил письмо в начале января. И должен сказать, что если бы до 24 февраля получил хоть какой-то официальный ответ: "сейчас не время", "церковь не готова" или "отрицательно относится к вашей инициативе", - то даже разговора о публикации письма быть не могло. А считать несколько слов комментария корреспонденту НТВ официальным ответом я не могу. Когда посылаешь не анонимное, а подписанное собственным именем письмо, в соответствии с правилами прили-

чия на него принято отвечать тоже письменно, хотя бы формально. Но, так как этого ответа нет до сего дня, я не считаю разговор исчерпанным, а мое обращение - закрытым.

Надо сказать, сначала я действительно был расстроен. И те, кто смотрел сюжет по НТВ, наверное, обратили внимание, что выглядел я несколько подавленным. Но это была не подавленность тем, что Патриарх в столь категоричной форме заявил по телевидению об отказе даже говорить на эту тему. Скорее некоторое разочарование из-за непонимания сути моей инициативы...

Хочу отметить еще один момент, который очень активно сейчас обсуждается: что это все Владимир Толстой? - есть же семья, которая не обращалась с подобными письмами...

- Насколько известно, до написания письма состоялось семейное обсуждение такой возможности?

- Да. Еще летом я действительно поднимал эту тему. И никакого неприятия подобного акта у остальных членов нашей фамилии не прозвучало. Больше того, уже после информации о моем обращении мои родственники то-

же обращались к Патриарху Алексию.

- Сегодня очень расхоже мнение, что Толстой вступил в неразрешимый конфликт с христианством, оспаривал его основные догматы. Но ведь он никогда не строил из себя богослова. И даже переложенное им Евангелие представляет собой прежде всего художественное осмысление самой важной темы и Личности в истории человечества...

- ...художественно-философское. Потому что философия и богословие - все же разные вещи...

- Согласен. Кроме того, конкретные претензии писателя, особенно в тех случаях, когда он довольно резко называл вещи своими именами, относились в основном к "церковной бюрократии", даже к святотатству людей, входящих в религиозную организацию, но не осознающих, к какой Материи они прикасаются.

- Все усилия Толстого в последний период его жизни были направлены на то, чтобы обратить внимание - чувства, сердца, души людей - к сути, религиозной сути христианства. Не к обрядам или условностям, а к сути. Все-

ми своими работами он пытался как бы дезавуировать формы извращения подлинной истории.

- Что вы собираетесь делать дальше: продолжать добиваться, чтобы вас поняли, или просто махнете рукой, потому что это бессмысленно? Что перевесит: сознание важности вопроса, касающегося реальной духовности, или "сейчас не то время"?

- Время, к сожалению, действительно не совсем то. Но меня это не останавливает. Я не могу не отвечать на приходящие письма, отклики. Не могу остаться безучастным к мнению людей, которые мне их присылают. Поэтому я намерен продолжать отвечать на них. И если буду убежден, что общественная потребность в обсуждений поднятого мною вопроса есть, то оно состоится. Возможно, это будет "круглый стол" с философами, писателями, представителями Церкви.

- Получается, что отсутствие ожидаемого результата - тоже своего рода результат?

- К этому я, пожалуй, и стремился, надеясь, что результатом моего послания станет прежде всего начало какого-то обсуждения.

В Ясной Поляне ежегодно проводятся писательские встречи, и мы каждый раз задаем их темы. Уже в прошлом году темы "Толстой и религия", "Толстой и православие. Период отлучения" были заявлены и прозвучали. С моей точки зрения, уже тогда было много очень хороших выступлений. Эту тему мы продолжим и в этом году, в сентябре, - в виде обсуждения одного из крупных вопросов в рамках большой писательской встречи. Но догадываюсь, что зреет необходимость, быть может, и отдельного разговора.

При этом я не вижу задачи в том, чтобы собрать, например, одинаково мыслящих людей, мнения которых полностью совпадают. Интересно, чтобы сторонники разных мнений были конструктивны.

Теперь я уже не жалею, что возникла такая, пусть и несколько напряженная, ситуация. Я даже не мог предположить такого шквала писем и звонков, который не прекращается до сих пор. Поразительно, но именно в том регистре, в каком об этом писал Лев Николаевич, звучат мысли большинства тех, чьи письма я получаю, - самых разных людей.

Сейчас я довольно много езжу по России и вижу, что поднятые мной вопросы известны и обсуждаются множеством людей. Меня спрашивали об этом и в Саратове, и в Энгельсе, и во Владимире, и в Суздале. Общество начинает интересоваться, а это было и остается одной из моих целей.

Понимаете, наше общество как-то перестало думать. То ли заданный ритм жизни, то ли какая-то атмосфера... События абсолютно не анализируются. Не влекут за собой общественного обсуждения. И вообще: нет стремления к осмыслению происходящего - просто бездумное движение непонятно куда, непонятно зачем...

И, если в вопросе о Льве Толстом мне удалось заставить хоть какую-то часть нашего общества на секунду приостановиться и задуматься, написать письмо (ведь кто теперь письма пишет? - давно забытый жанр!), значит, то, что я сделал, безусловно не напрасно.

Беседовал МИХАИЛ СИТНИКОВ.Москва